

ПЕРИОД РАСПАДА

КАЛИГУЛЯТОР БЕСПОЩАДНЫЙ

18+

КАЛИГУЛЯТОР БЕСПОЩАДНЫЙ ПЕРИОД РАСПАДА

<https://litres.ru/74169352>

SelfPub; 2026

Аннотация

1. Профессор Прокофий Вассирионович встречается Рождество в остывающей лаборатории, фиксируя на осциллографе танец частицы, которой не место в этой Вселенной.

2. Он называет открытый элемент «Вассирионием» в честь покойного отца и отправляет статью в «Nature», получая в ответ лишь молчание, громче любого научного спора.

3. Чтобы добыть миллиграмм заветного вещества, герой продаёт фамильное серебро и семейные реликвии, превращая быт в руины во имя формулы на салфетке.

...

26. Нобелевский комитет вручает ему вторую премию — посмертно, за человечность, и в тот же миг все ядерные реакторы планеты замолкают на три секунды, словно сама материя почтила своего повелителя.

КАЛИГУЛЯТОР БЕСПОЩАДНЫЙ ПЕРИОД РАСПАДА

Глава 1. Атомарный холод

За окнами институтского корпуса № 4 стояла такая тишина, что было слышно, как снежинки ломаются о стекло. Не та метафорическая тишина, которой поэты украшают стихи о зиме, а настоящая, физическая, вакуумная тишина периферийной научной станции, где за сорок лет работы ни разу не случилось ничего, что стоило бы занести в протокол. Снег валил уже третьи сутки, он залепил буквы на вывеске «Лаборатория спектрального анализа редкоземельных металлов», превратив гордое учреждение в безымянный сугроб с торчащей антенной. Внутри, на третьем этаже, горел один-единственный свет — в кабинете, который местные лаборанты между собой называли «склепом», потому что его хозяин, профессор Прокофий Вассирионович Сапожников, не выключал люминесцентные лампы с 1987 года.

На часах было без пяти двенадцать — сочельник. Город внизу, раскинувшийся у подножия Уральских гор, искрился гирляндами и праздничным шумом, который сюда, на высоту четырехста метров над уровнем моря, не долетал даже ветром. Здесь, в бетонном кубе с трёхслойными стенами, за-

щищающими от внешней радиации и внешней жизни, обитал другой мир. Мир, где время измерялось не ударами маятника, а периодами полураспада, где основными цветами были не красный и зелёный, а фиолетовый линии водорода и жёлтый натрия. Прокофий Вассирионович стоял у своего главного детища — спектрометра СЭМ-12, монстра ростом с холодильник, собранного из допотопных деталей, советской электроники и собственных модификаций, которые он впаивал в платы по ночам в течение двадцати лет.

Руки его, крупные, с узловатыми пальцами, напоминавшими корни старого дуба, лежали на пульте. Кожа была испещрена мелкими шрамами — следы неудачных опытов с едкими реактивами, когда молодость требовала скорости, а осторожность приносилась в жертву любопытству. Сейчас ему было шестьдесят семь. Волосы, некогда чёрные как антрацит, превратились в седую, редкую поросль, которую он уже лет пять как не стриг и не причёсывал — она торчала во все стороны, создавая вокруг его головы подобие нимба, только не святого, а безумного. На плечи был наброшен старенький свитер грубой вязки, протертый на локтях, поверх которого болтался застиранный халат с въевшимися пятнами марганцовки. В этом облике не было ни капли профессорской важности — был только упрямый, почти одержимый трудяга, который забыл, как выглядит собственная спальня.

Перед ним на столе лежал новенький, ещё пахнущий ти-

пографской краской оттиск его статьи. Прокофий перечитал её в сорок седьмой раз, и каждый раз его взгляд спотыкался об одну и ту же фразу: «В спектре отработанного топлива реактора РБМК-1000 образца № 7-Б была зафиксирована линия с длиной волны, не соответствующей ни одному известному элементу Периодической системы». Сорок семь раз он читал это предложение, и сорок семь раз внутри него поднималась одна и та же волна — смесь торжества и ужаса. Торжество оттого, что он, Прокофий Вассирионович Сапожников, никому не известный профессор из захолустного НИИ, увидел то, что не заметили ни в Окридже, ни в Дубне, ни в ЦЕРНе. И ужас — потому что линия эта была невозможна. Она нарушала всё, что он знал о квантовых переходах, о строении ядра, о законах сохранения. Она была как подпись Бога в месте, где Бога быть не должно.

Прокофий потерял переносицу — старый жест, означавший глубокую усталость. За последние две недели он спал не больше двадцати часов. Кофе он уже не пил — организм перестал на него реагировать, и теперь он просто жевал сухие листья чая, чтобы хоть как-то обмануть желудок. В углу кабинета стояла электроплитка, на которой грелась банка тушёнки — единственная еда, которую он мог себе позволить, не отрываясь от приборов. Но и до тушёнки сегодня руки не дошли. Потому что в шестом часу вечера, когда за окнами начало стремительно темнеть, спектрометр выдал нечто. Нечто, что заставило его забыть о голоде, о холоде, о том, что

на дворе — канун Рождества, а дома, в пустой двухкомнатной квартире, его ждёт остывший ужин и жена, которая уже перестала звонить на мобильный, потому что он отключил его два дня назад.

Он подошёл к принтеру, который выплюнул последний лист распечатки. Бумага была ещё тёплой, и на ней, среди привычного частокола пиков и провалов, сиял один — абсолютно чужой, абсолютно нездешний. Прокофий провёл пальцем по графику. Его рука дрожала — не от холода, не от голода, а от того, что он чувствовал себя человеком, который случайно нажал не ту кнопку и запустил ядерный реактор в собственном подвале. Этот пик не имел права существовать. По всем расчётам, по всей теории, по всем справочникам мира, там должна была быть ровная линия шумов. Но пик был. Он возвышался над остальными, как небоскрёб над одноэтажными хибарами, и он смеялся над Прокофием своим молчаливым присутствием.

— Ну и кто ты? — прошептал Прокофий в тишину лаборатории. Голос его, давно не слышавший человеческого ответа, прозвучал хрипло и неестественно громко. — Кто ты, чёрт возьми?

Он зажмурился, откинулся на спинку старого, скрипучего стула и попытался вспомнить все известные элементы, у которых могли быть подобные спектральные линии. Калифорний? Нет, тот даёт другой сдвиг. Эйнштейний? Тоже мимо. Борий? Хассий? Дармштадтий? Прокофий перебирал в уме

все трансурановые элементы, все экзотические изотопы, открытые за последние полвека, но ни один не подходил. Мало того — этот пик находился в диапазоне, где, по идее, не могло быть вообще никаких линий. Там должна была царить пустота, вакуум, тишина. А вместо тишины — крик.

И тогда Прокофий сделал то, что делал всегда, когда сталкивался с необъяснимым. Он взял ручку — простую шариковую, купленную ещё в прошлом веке в канцелярском магазине за три копейки, — и начал писать. Он писал формулы на листе ватмана, который висел на стене. Писал уравнения ядерных превращений, высчитывал массы, заряды, спины, моменты инерции. Он выводил цепочки превращений, пытаясь понять, какой из известных изотопов мог дать такую линию при распаде. И через час, когда его пальцы уже свело судорогой, а на лбу выступила испарина, он понял страшное. Этот пик не мог дать ни один известный изотоп. Вообще ни один. Потому что для того, чтобы получить такую линию, нужно было, чтобы ядро имело массовое число, которого не существовало в природе. И заряд, которого не существовало в таблице.

Он открыл новый элемент.

Мысль эта ударила его с такой силой, что он даже не обрадовался. Он просто встал, подошёл к окну и уставился в снежную муть. Где-то там, внизу, зажигались ёлки, дети лепили снежных баб, а в церквях зажигали свечи. Там праздновали рождение Христа. А здесь, в этой бетонной короб-

ке, только что родилось нечто другое. Нечто, что могло переписать учебники физики на следующие сто лет. Нечто, что могло дать ему — Прокофию Вассирионовичу Сапожникову — бессмертие в истории науки. Но он не чувствовал радости. Он чувствовал только холод. Тот самый атомарный холод, который исходил от его открытия, от этого чужеродного, нечеловеческого элемента, который теперь висел в его спектрограмме как приговор.

— Господи, — прошептал он, прижимая ладонь к стеклу. Лёд на подоконнике обжигал пальцы. — Что я наделал?

Он вернулся к столу и перечитал статью ещё раз. В ней было всё: методика, расчёты, данные, ссылки на работы предшественников. Но главного не было. Он не дал элементу имени. Не решился. Потому что дать имя — значит принять ответственность. А Прокофий чувствовал себя ребёнком, который разобрал часы на части и не знает, как собрать их обратно. Он открыл дверцу шкафа, где хранились запасные реактивы, и достал маленькую свинцовую коробочку. Внутри неё — на вате — лежал микроскопический кусочек вещества. Того самого, которое он выделил из топливных отходов методом, о котором молчал даже в статье. Это был первый и единственный образец. Его вес едва достигал нескольких миллиграммов, но Прокофий знал: в этом кусочке заключена энергия, способная сжечь город. Или — исцелить его. Он не знал, что именно. Он знал только одно: он держит в руках чудо, которое может оказаться проклятием.

Часы пробили полночь. Где-то в городе ударили колокола. Прокофий закрыл свинцовую коробочку, запер её в сейф, которого не было в описи лабораторного оборудования, и сел на пол, прислонившись спиной к холодной стене. Он смотрел на светящийся экран спектрометра, на этот ненавистный и любимый пик, и пытался понять, что делать дальше. Написать статью? Отправить в «Nature»? Или позвонить в Москву, в академию, и сказать: «Я сделал это. Я открыл сто девятнадцатый». Но внутри него жил страх. Страх, который он не мог объяснить даже самому себе. Ему казалось, что этот элемент — не просто атом. Он — предвестник чего-то большего. Чего-то, что находится за гранью науки. Чего-то, что древние люди называли магией, а современные физики избегают называть вообще.

Он вспомнил отца. Вассирион Сапожников, геолог, погибший в пятидесятых в одной из экспедиций на Кольском полуострове. Он искал редкоземельные металлы и не нашёл — нашёл только смерть в обвале штольни. Прокофий был тогда мальчишкой, но на всю жизнь запомнил отцовский портфель, который принесли из экспедиции. В нём лежали образцы пород, дневники, письма и — странный, никем не опознанный минерал тёмно-зелёного цвета. Прокофий долго хранил этот минерал, а когда стал химиком, отдал его на анализ. Никто так и не понял, что это за порода. Она не поддавалась классификации, не давала чётких спектров, просто «шумела» на всех приборах. И сейчас, глядя на свой пик,

Прокофий вдруг осознал: тот минерал и этот элемент — они из одного мира. Мира, который лежит по ту сторону таблицы Менделеева, по ту сторону привычной физики, по ту сторону здравого смысла.

Он поднялся с пола. Ноги затекли, спина ныла, но в душе вдруг поселилась странная, почти иррациональная уверенность. Он назовёт этот элемент «Вассирионий». В честь отца. В честь человека, который тоже искал то, чего не должно быть, и нашёл смерть. Прокофий подошёл к столу, взял ручку и жирным, крупным почерком написал на полях распечатки: «Вассирионий. V» — символ, которого ещё не было на карте мира.

Затем он посмотрел на телефон. Старый, чёрный, дисковый, стоящий в углу на тумбочке. Он мог бы позвонить домой. Сказать жене: «Катя, я сделал это. Я открыл элемент». Но он знал, что она не поймёт. Она уже давно перестала понимать его — с тех пор, как он продал их машину, чтобы купить новый генератор для спектрометра. Она жила своей жизнью, а он — своей. И эта ночь в сочельник была их последней ниточкой, но Прокофий перерезал её, когда не приехал на ужин. Он знал, что, когда вернётся домой — если вернётся, — её уже не будет. Или будет, но холодная, как тот лёд на подоконнике.

Но он не мог уйти сейчас. Не мог оставить лабораторию, пока этот пик светится на экране. Потому что стоило ему уйти, и кто-то другой мог его опередить. Где-то в мире, в

эту самую секунду, сотни физиков корпели над теми же данными, которые ему удалось раздобыть окольными путями. Гонка шла не на жизнь, а на смерть, и Прокофий чувствовал себя аутсайдером, вырвавшимся вперёд на последнем круге. Он не имел права остановиться.

Он снова сел за стол, достал чистый лист бумаги и начал писать письмо. Не в журнал — нет, он напишет туда позже. Это письмо было для него самого. Он писал о том, как впервые увидел этот пик, как сердце забилося быстрее, как он перепроверял данные сто раз, как плакал от бессилия, когда не мог поверить в собственную удачу. Он писал о боли в суставах, о том, что пальцы больше не слушаются, о том, что глаза слезятся от напряжения. Он писал о том, что чувствует себя Прометеем, укравшим огонь у богов, только огонь этот оказался холоднее любого льда.

Он закончил письмо в четыре утра. За окнами по-прежнему кружил снег, но где-то на горизонте уже брезжила бледная, зимняя заря. Прокофий свернул лист, положил в конверт и написал сверху: «Вскрыть после моей смерти». Потом убрал конверт в тот же сейф, где лежал образец. И только тогда позволил себе закрыть глаза.

Ему снилась таблица Менделеева, бесконечная, уходящая вдаль, как железнодорожное полотно. В ней были ячейки для всех известных элементов, и одна ячейка в самом конце, внизу, была пустой. Прокофий подошёл к ней и увидел, что там написано его имя. Он хотел дотронуться до неё, но

ячейка обожгла его — она была горячей, как поверхность Солнца. И в тот миг, когда он отдернул руку, ячейка исчезла. А вместе с ней исчез и он сам.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Прокофий открыл глаза и увидел перед собой встревоженное лицо молодого лаборанта, который пришёл на утреннюю смену и, конечно, не ожидал застать профессора спящим на полу.

— Прокофий Вассирионович! — испуганно сказал лаборант. — Что случилось? Вы живы?

— Жив, жив, — пробормотал Прокофий, садясь и потирая затёкшую шею. — Я просто... Я просто работал.

— Всю ночь? — Лаборант оглянулся на стол, где лежала распечатка. — А это что?

— Это, — сказал Прокофий, поднимаясь на ноги и чувствуя, как дрожат колени, — это моя смерть. Или моё бессмертие. Я ещё не решил.

Лаборант ничего не понял, но переспрашивать не стал. Он знал своего профессора: если тот говорит загадками, значит, случилось что-то важное. Или что-то ужасное. А чаще всего — и то и другое одновременно.

Прокофий подошёл к спектрометру, проверил, не выключился ли он за ночь, и удовлетворённо кивнул. Пик был на месте. Он никуда не исчез. Вассирионий существовал. Он ждал своего часа.

— Иди, — сказал Прокофий лаборанту, даже не обернувшись. — У тебя сегодня праздник. Иди к семье.

— А вы? — спросил тот робко.

— А я, — Прокофий усмехнулся в седую бороду, — я уже давно никуда не хожу. Мой дом здесь.

Лаборант постоял ещё мгновение, пожал плечами и вышел, тихо прикрыв дверь. Прокофий остался один в тишине, нарушаемой лишь гулом трансформатора. Он стоял перед спектрометром, перед этим пиком, перед будущим, которое только что родилось в этой бетонной коробке, и чувствовал, как внутри него разгорается странный, холодный огонь. Огонь одержимости. Огонь открытия. Огонь, который сожжёт его дотла, но сначала подарит ему Нобелевскую премию.

И где-то в глубине души, там, где ещё теплилась искра нормального человека, Прокофий знал: он переступил черту. Назад дороги нет.

Глава 2. Таблица Менделеева

Утро второго января выдалось морозным и колючим, как проволочная щётка. Прокофий Вассирионович проспал на продавленном диване в лаборантской ровно четыре часа — больше позволить себе не мог. Когда он открыл глаза, в груди саднило, в висках стучало, а во рту было такое ощущение, будто он всю ночь жевал вату. Но он не позволил себе ни минуты слабости. Он встал, ополоснул лицо ледяной водой из крана, наскоро проглотил вчерашнюю, уже застывшую тушёнку прямо из банки, и вернулся к спектрометру. Пик был на месте. Вассирионий никуда не делся. И это придало ему

сил.

Он провёл ещё два часа, пересчитывая данные. Трижды — от начала до конца. Он проверял калибровку прибора, сверялся с эталонными образцами, перезапускал программное обеспечение, которое писал сам ещё в девяностые на допотопном «Си-плюс-плюс». Ни одной ошибки. Ни одной случайности. Вассирионий был реален, как этот стол, как эта стена, как его собственные седые волосы, выпадающие на клавиатуру. Прокофий откинулся на стуле и закрыл глаза. Теперь оставалось самое трудное — сообщить миру.

Он открыл старый ноутбук, который гудел как трактор, и начал набирать письмо в редакцию журнала «Nature». Пальцы его дрожали, когда он печатал заглавие: «Об открытии нового химического элемента с атомным номером 119». Он знал, что это заявление прозвучит как вызов. Сто девятнадцатый элемент искали уже три десятилетия. На него охотились лучшие лаборатории мира — от Беркли до Дубны. И вдруг какой-то выживший из ума профессор из захолустного уральского НИИ заявляет, что он его нашёл. Это было похоже на объявление о том, что ты поймал Несси в собственном пруду. Его осмеют. Его назовут шарлатаном. Его растопчут в научной прессе, а потом забудут. Но он не мог молчать.

Он сформулировал письмо намеренно сухо, без эмоций. Только цифры, только спектрограммы, только ссылки на методику. Он приложил сканы распечаток, фотографии прибора, расчёты атомной массы. В конце он добавил припис-

ку, от которой у него самого перехватило дыхание: «Предлагаю назвать открытый элемент вассирионием, символ V, в честь моего отца, геолога Вассириона Сапожникова, погибшего при исполнении научного долга». Он перечитал письмо пять раз, исправил три опечатки, потом ещё раз и нажал «Отправить».

Мгновение. Одно короткое, почти незаметное движение указателя по сенсорной панели. И всё. Его жизнь разделилась на «до» и «после». В ту секунду, когда письмо ушло в бездну интернета, Прокофий почувствовал, как из него что-то вышло. Какая-то жизненная сила, какой-то внутренний стержень, который держал его всё это время, вдруг исчез. Он сидел, глядя на пустой экран, и не знал, что делать дальше. Ждать ответа? Ответ мог прийти через неделю, через месяц, через полгода. А мог и не прийти вовсе.

Тогда он решил сделать то, чего не делал уже три дня. Он позвонил домой.

Телефон в лаборатории был допотопный, с диском, который надо было крутить пальцем до упора. Прокофий набрал номер, слушая, как щёлкает механизм, и с каждой цифрой чувствовал, как в груди разрастается тяжёлый, холодный ком. Гудки. Один. Два. Три. Четыре. Никто не брал трубку. Он знал, что Екатерина дома — она никуда не выходила в такие морозы, потому что у неё болели суставы. Но трубку она не брала. И тогда Прокофий понял — она не хочет с ним говорить. Она звонила ему в сочельник семь раз. Он не отве-

тил ни разу. И теперь, когда он наконец вспомнил о семье, её телефон молчал в ответ, как вежливый, но холодный отказ.

Он положил трубку. Сел на край стула и уставился в одну точку. Внутри него вдруг образовалась пустота, которую не мог заполнить даже Вассирионий. Он ощутил себя не первооткрывателем, а старым, одиноким дураком, который променял жизнь на несколько строчек в спектрограмме. Он вспомнил, как они с Катей познакомились — на конференции по ядерной физике в Свердловске, почти сорок лет назад. Она была лаборанткой, он — молодым, подающим надежды аспирантом. Она смеялась над его серьёзностью, а он дарил ей букеты из полевых цветов, которые сам же и собирал на пустыре за общежитием. Потом была свадьба, потом родился сын — Сашка, — потом Сашка уехал в Москву и почти перестал звонить, потом Катя начала болеть, и жизнь постепенно превратилась в череду больничных справок, прогнозов и бесконечных ночей, когда он сидел в лаборатории, потому что дома было страшно смотреть на то, как она угасает.

Он встал, накинул пальто, которое висело на вешалке с тех пор, как здесь потеплело в прошлом году, и вышел на улицу. Мороз обжёг лицо, хрустнул под ногами, залез за воротник. Прокофий пошёл по пустынной дороге, ведущей от института к городским кварталам. Снег скрипел, как стекло-вата, и в этом звуке было что-то детское, почти радостное. Но Прокофий не чувствовал радости. Он шёл домой, чтобы встретиться со своей совестью.

Дверь квартиры открылась с лёгким скрипом. Внутри пахло лекарствами, валерьянкой и старой мебелью. В прихожей горел тусклый свет, из кухни доносилось шипение воды — Катя мыла посуду. Прокофий осторожно снял пальто, повесил его на крючок и прошёл на кухню. Она стояла спиной к нему, худая, сгорбленная, в застиранном халате. Её плечи, когда-то круглые и тёплые, теперь были острыми, как у подростка. Она не обернулась, когда он вошёл. Только произнесла, не повышая голоса:

— Я звонила тебе. В сочельник. Семь раз.

— Я знаю, — тихо сказал Прокофий. — Я не мог подойти.

— Ты никогда не можешь подойти, — она повернулась к нему. Её лицо, красивое когда-то, теперь было измождённым, с глубокими морщинами, но глаза — карие, живые, — они всё ещё смотрели с тем же вызовом, что и сорок лет назад. — Ты знаешь, какой сегодня день?

— Второе января.

— Ты забыл, что мы договаривались? Ты обещал, что в сочельник мы будем вместе. Ты обещал, что в этом году — в этом году! — ты придёшь к ужину. Я готовила. Я позвала Сашку, он приехал из Москвы. Он ждал тебя до десяти вечера. А потом уехал.

Прокофий почувствовал, как земля уходит из-под ног. Сашка приехал. Сын, которого он не видел два года, приехал на Рождество, а он, Прокофий, просидел в лаборатории, глядя на чёртов пик, который никуда не денется и завтра, и

послезавтра, и через год. Он открыл рот, чтобы сказать: «Я открыл элемент, Катя. Я открыл новый элемент», — но слова застряли в горле. Потому что он знал, что она скажет в ответ. Она скажет: «Мне плевать на твой элемент, Прокофий. Мне плевать на твою науку. Мне нужен ты. Живой. Здесь. Рядом».

И он не мог дать ей этого. Не мог, потому что часть его уже жила там, в лаборатории, среди спектрометров и пробирок. Часть его уже стала призраком, который возвращается в семью только для того, чтобы напомнить о своём существовании.

— Катя, — начал он, но она перебила его.

— Я продаю квартиру, Прокофий, — сказала она спокойно, будто объявляла погоду. — Я уезжаю к Сашке в Москву. Я не хочу больше жить одна. Ты можешь оставаться здесь, в своём институте. Я не буду тебя удерживать. Но я не могу больше ждать.

Тишина в кухне стала вязкой, как сироп. Прокофий слышал, как тикают часы на стене, как шумит вода в трубах, как где-то за окном лает собака. Он смотрел на жену и понимал, что это не ультиматум — это констатация факта. Она уже всё решила. Она уже всё пережила. Она уже похоронила его заживо, ещё когда он не пришёл на сочельник.

— Я открыл элемент, — вдруг сказал он тихо. — Новый, Катя. Я назвал его в честь отца. Вассирионий.

Она посмотрела на него без удивления. Без радости. Без

гордости. Она смотрела так, как смотрят на человека, который говорит на непонятном языке.

— Я рада за тебя, — сказала она. И в голосе её не было ни капли правды. — Мне пора собираться.

Она прошла мимо него в комнату, и Прокофий остался стоять в прихожей, слушая, как она двигает вещи, как шуршит пакетами, как открывает шкафы. Он хотел войти к ней, обнять, сказать, что передумает, что он будет другим, что он бросит лабораторию, что он продаст спектрометр, пойдёт работать в школу, в магазин, куда угодно, лишь бы она осталась. Но он не мог. Потому что он понимал: она уже не верит ему. И он сам не верит себе.

Так и простоял он в прихожей полчаса, пока она не вышла с двумя чемоданами. Она надела пальто, замотала шарф, даже не взглянула на него. Только у двери остановилась, замерла на мгновение, будто внутри неё шла последняя борьба. И тихо сказала:

— Твой отец был геологом, Прокофий. Он ушёл в экспедицию и не вернулся. Ты — химик. Ты ушёл в свою таблицу и тоже не вернулся. Разницы нет.

Она вышла, хлопнула дверью, и в квартире воцарилась мёртвая тишина. Прокофий стоял, прижавшись лбом к холодному косяку, и слушал, как затихают её шаги в подъезде. Потом хлопнула входная дверь снизу. Потом на улице завёлся двигатель такси. И через минуту всё стихло. Он остался один в пустой квартире, где пахло её духами и где в углу всё

ещё стояла ёлка, которую она нарядила к его приходу.

Он подошёл к ёлке. Игрушки — старые, стеклянные, ещё советские — поблёскивали в тусклом свете. На верхушке висела звезда, которую они с Катей купили в год свадьбы. Прокофий снял её, повертел в руках и вдруг почувствовал, как глаза защипало. Он не плакал сорок лет. Не плакал, когда умер отец, когда хоронил мать, когда узнал, что у Сашки в московской школе проблемы, а он даже не приехал на родительское собрание. Он привык держать всё внутри. Но сейчас, в этой пустой квартире, с этой ёлкой и этой звездой в руках, он почувствовал, что стена дала трещину.

Он не заплакал. Он просто сел на пол, обнял ноги и долго сидел так, глядя на догорающую гирлянду.

На следующий день он вернулся в лабораторию раньше обычного. Лаборанты ещё не пришли, и он сидел один, просматривая почту. Ответа из «Nature» не было — и быть не могло так быстро. Но было другое письмо. От коллеги из Москвы, профессора Кравчука, с которым он когда-то пересекался на конференциях. Текст был кратким и жёстким:

«Прокофий, до меня дошли слухи, что ты отправил статью в “Nature” о новом элементе. Ты, конечно, шутишь? Мы здесь в Дубне уже пять лет бьёмся над синтезом 119-го, и ни у кого нет никаких результатов. Твои данные выглядят, мягко говоря, сомнительно. Проверь приборы. И, пожалуйста, не позорь нашу науку. У нас и так репутация ни к чёрту».

Прокофий перечитал письмо три раза. Каждое слово в

нём было как удар. «Позорь нашу науку». «Сомнительно». «Шутишь». Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он хотел ответить, хотел объяснить, что его данные абсолютны, что он проверял их не один раз, а пятьдесят, что он не шарлатан, что он потратил на это двадцать лет своей жизни. Но он знал: объяснения бесполезны. В научном мире решают не факты, а имена. И его имя ничего не значило.

Он не ответил Кравчуку. Вместо этого он сел и начал писать развёрнутую статью. Не краткое письмо — а полноценную, толстую работу, со всеми расчётами, со всеми графиками, с детальным описанием методики. Он работал как одержимый, забывая про еду и сон. Он писал день, второй, третий. Когда лаборанты заходили к нему, он отмахивался от них, как от мух. Когда начальник института, Тихон Ильич, заглянул к нему и спросил, всё ли в порядке, Прокофий буркнул: «Я работаю, Тихон, не мешай». Тихон Ильич только вздохнул и ушёл.

Через неделю статья была готова. Прокофий назвал её просто — «Вассирионий: новый элемент нулевой группы переходных металлов». Он отправил её сразу в три журнала: «Nature», «Science» и отечественный «Успехи физических наук». И снова нажал «Отправить». И снова почувствовал, как из него выходит часть души.

Через два дня пришёл первый ответ. Из «Science». Стандартное письмо, написанное сухим канцелярским языком: «Благодарим за ваш интерес, но на данный момент мы не

можем принять вашу статью к рассмотрению, поскольку она не соответствует нашим критериям новизны». Прокофий усмехнулся. «Критериям новизны». Он открыл новый элемент — это ли не новизна? Но он понимал: там просто не поверили. Не захотели поверить. Потому что легче было отмахнуться, чем разбираться в его расчётах.

Ответ из «Nature» пришёл ещё через три дня. Короткий, вежливый, убийственный: «Ваша статья направлена на независимое рецензирование. В связи с высокой загруженностью редакции, ответ может занять до шести месяцев». Шесть месяцев. Он мог умереть шесть раз за эти шесть месяцев. Он мог сойти с ума. Он мог потерять всё — как будто у него ещё было что терять.

Он сидел в одиночестве, глядя на экран, и вдруг понял: научный мир не торопится признавать чужаков. Он может быть прав, но это не имеет значения, пока его имя не станет известно. А как сделать его известным? Только через скандал. Только через публичный эксперимент. Только через то, что он покажет Вассирионий воочию, перед всеми, на камеру, с приглашёнными экспертами.

Но для этого нужны были деньги. Нужны были реактивы. Нужен был новый спектрометр, который он не мог себе позволить. Нужна была команда, которой у него не было. И нужна была вера, которая уже начинала угасать.

Он вышел из лаборатории на улицу, чтобы проветриться. Стоял конец января, мороз чуть отпустил, и снег начал

подтаивать. Прокофий брёл по пустым улицам, сунув руки в карманы, и думал о том, что его жизнь раскололась надвое. На одной стороне был Вассирионий — великое открытие, которое никто не хочет признавать. На другой — пустая квартира, уехавшая жена и сын, который не звонит. И он стоял между ними, как между двумя полюсами магнита, и чувствовал, как его разрывает на части.

Он зашёл в маленькое кафе на окраине города, заказал чёрный кофе и сел у окна. За соседним столиком сидела молодёжь — студенты, они оживлённо обсуждали какую-то химическую реакцию, смеялись, пили пиво. Прокофий смотрел на них с завистью. Он когда-то был таким же. Молодым, горячим, уверенным, что наука спасёт мир. А сейчас он просто сидел и пил горький кофе, который не приносил ни бодрости, ни удовольствия.

И вдруг, в этом кафе, глядя на заснеженное окно, он увидел таблицу Менделеева. Она висела на стене — не научная, а декоративная, с яркими картинками для школьников. Прокофий смотрел на неё и понимал, что эта таблица — его жизнь. Строки, столбцы, ячейки. Каждая ячейка — открытие, каждая строчка — эпоха. И вот в самом низу, там, где пока была пустота, скоро будет его имя. Вассирионий. V. Сто девятнадцатый.

Он допил кофе, оставил на столе деньги и вышел. Морозный воздух ударил в лицо, но он почти не чувствовал холода. Он шёл домой, к пустой квартире, к холодной постели,

к тишине, которая ждала его там. И в голове уже зрел план, как заставить мир поверить в Вассирионий. План безумный, опасный и, возможно, смертельный. Но другого у него не было.

Когда он открыл дверь своей квартиры, в коридоре уже горел свет. На тумбочке лежал конверт. Он узнал почерк — это была Катя. Она прислала письмо. Он разорвал конверт дрожащими руками и прочитал:

«Прокофий, я у Сашки. Мы нашли хорошую клинику, мне делают процедуры. Это дорого, но мы справимся. Сашка устроился на новую работу. Мы живём втроём — я, он и его девушка. Тебя здесь не хватает. Но я знаю, что ты не приедешь. Ты всегда выбираешь свою таблицу. Когда-нибудь ты поймёшь, что это была ошибка. Катя».

Прокофий положил письмо на стол. Он не заплакал. Он просто сел на диван, выключил свет и долго сидел в темноте. Где-то там, за окнами, шумел город, сияли огни, жили люди. А он был здесь, один, с Вассирионием, с таблицей Менделеева и с чувством, что он уже давно мёртв — просто ещё не знает об этом.

Он подошёл к столу, достал чистый лист бумаги и написал:

«Катя, я люблю тебя. Прости меня. Я не могу остановиться. Если я добьюсь своего, если мир признает Вассирионий, я приеду за тобой и поставлю тебя на ноги. Это моя клятва».

Он отправил письмо такси, которое забрали у подъезда,

и вернулся к ноутбуку. В почте его ждало новое сообщение. На этот раз не из редакции — от частного лица. Человек по имени Сергей Борисович, представитель крупной нефтяной компании, писал: «Профессор Сапожников, до нас дошли слухи о вашем открытии. Мы готовы профинансировать ваш проект в обмен на эксклюзивные права на использование элемента в промышленности. Ждём вашего звонка».

Прокофий посмотрел на экран и засмеялся. Он смеялся так, что у него свело живот. «Эксклюзивные права». Они даже не знали, что это за элемент. Они не знали, что он делает. Они просто хотели купить его, как покупают землю, как покупают патенты, как покупают людей. Они хотели запереть Вассирионий в сейф, чтобы он работал только на них, чтобы он приносил деньги, чтобы он служил корпорации, а не человечеству.

Прокофий удалил письмо, не ответив. Но в душе засела тревожная мысль. Если о Вассирионии узнают корпорации, если о нём узнает государство, он потеряет контроль над своим детищем. Его откроют, но не признают. Его применят, но не во благо. Его имя останется в истории, но рядом с ним будет стоять не «учёный», а «поставщик».

Он не мог этого допустить. Он должен был успеть первым. Он должен был сделать так, чтобы Вассирионий стал достоянием всего мира. Даже если это стоило ему жизни.

Прошла ещё неделя. Прокофий жил в лаборатории, спал на диване, мылся в туалетной комнате. Он почти не выходил

на улицу. Он ждал. Ждал ответа из «Nature». Ждал звонка из Москвы. Ждал, что кто-то придёт и скажет: «Прокофий Вассирионович, вы гений, мы верим вам». Но никто не приходил. Только лаборанты заглядывали, только Тихон Ильич вздыхал, глядя на него, и только тишина стояла в его пустой квартире.

Однажды ночью, когда Прокофий уже почти засыпал за столом, его телефон завибрировал. Он поднял трубку и услышал голос, который не слышал два года. Голос сына.

— Пап, — сказал Сашка. И замолчал.

— Саша, — выдохнул Прокофий. — Сашенька.

— Мы получили твоё письмо, — сказал сын. И голос его дрожал. — Мама плакала три дня. Она сказала, что ты поклялся. Она сказала, что ты даже не приехал, когда она уезжала.

— Я не мог, — прошептал Прокофий. — Я... я работал. Но я люблю её. Я люблю вас обоих.

— Знаю, — тихо ответил Сашка. — Я знаю, пап. Но твоя работа... она не должна убивать тебя. Ты слышишь? Она не должна убивать тебя.

Прокофий сжал трубку так, что костяшки побелели. Он хотел сказать сыну, что всё будет хорошо, что он всё исправит, что он приедет к ним в Москву, как только закончит эксперимент. Но он не мог произнести эти слова, потому что знал — они ложь. Он не закончит эксперимент. Потому что эксперимент никогда не заканчивается. Это бесконеч-

ный путь.

— Я люблю тебя, пап, — сказал Сашка. — Береги себя.
И повесил трубку.

Прокофий сидел в тишине, глядя на экран компьютера, на котором светилась незаконченная статья. За окном занимался рассвет, бледный, серый, безрадостный. Он знал, что сегодня будет тяжёлый день. Сегодня ему придётся принять трудное решение. Потому что он больше не мог ждать. Он должен был действовать. Должен был заставить мир услышать его. Даже если для этого нужно было сжечь последние мосты, продать последнюю душу или открыть ящик Пандоры, который он так боялся трогать.

Он подошёл к сейфу, достал свинцовую коробочку с образцом Вассириония, положил её перед собой и тихо сказал:
— Ну что, дружище, — сказал он. — Мы с тобой одни. Весь мир против нас. Но мы это сделаем. Потому что мы — лучшие.

И в этот миг, как будто в ответ, на экране спектрометра пик Вассириония чуть заметно дрогнул. Словно элемент услышал его. Словно он согласился.

Прокофий Вассирионович Сапожников улыбнулся. Впервые за много месяцев. Он улыбнулся, глядя на своё открытие, и понял: борьба только начинается.

Глава 3. Осмий и воля

Февраль пришёл на Урал с пронизывающими ветрами и гололёдом. Снег за ночь намерзал коркой, и утром город хру-

стел под ногами, как рассыпанное стекло. Прокофий Вассирионович стоял в своей лаборатории у окна и смотрел, как дворник, закутанный в старую телогрейку, методично разбивает лёд на тротуаре. Удары лома звучали глухо и мерно, как удары метронома, и в этом ритме было что-то успокаивающее. Но Прокофий не искал успокоения. Он искал решения.

Ответ из «Nature» так и не пришёл. Прошло уже больше месяца с тех пор, как он отправил статью, а в редакции, видимо, даже не открыли его письмо. Он позвонил туда дважды — сначала его переключили на автоответчик, потом просто сбросили вызов. В «Science» прислали формальный отказ, в «Успехах физических наук» ответили, что материал «требует дополнительной экспертизы» — и затихли. Прокофий чувствовал, как мир сужается вокруг него, как стены лаборатории становятся всё ближе, как воздух становится гуще и тяжелее. Он задыхался в собственном открытии.

Он сидел за столом, перебирая бумаги, и вдруг наткнулся на старое письмо от Сергея Борисовича — того самого представителя нефтяной компании, который предлагал финансирование. Прокофий тогда удалил письмо, но в папке «Удалённые» оно сохранилось. Он открыл его, перечитал и почувствовал, как внутри него закипает злость. «Эксклюзивные права». «Промышленное использование». Они хотели купить его душу за деньги, которых у него никогда не было. Но сейчас, глядя на пустой кошелёк, на счета, которые уже месяц как не пополнялись, на стопку неоплаченных квитан-

ций, он вдруг подумал: а что, если продать не душу? Что, если продать что-то другое?

Он встал, подошёл к шкафу и достал старую шкатулку, которую не открывал много лет. Внутри лежало фамильное серебро — ложки, вилки, несколько стаканов, доставшихся ему от матери. Серебро было старым, с клеймами ещё до-революционной работы, с гравировкой «Сапожниковы». Когда-то, в детстве, он видел, как мать натирала эти ложки до блеска по праздникам, а отец шутил, что это «фамильный запас» на случай голодных времён. Времена настали. Прокофий не собирался умирать с голоду, но для эксперимента нужны были деньги. Нужны были реактивы. Нужно было новое оборудование. И он готов был продать всё, что имел.

Он взял шкатулку, вышел из лаборатории и пошёл через город к ломбарду. Дорога заняла полчаса. Мороз щипал щёки, ветер задувал за воротник, но Прокофий шёл твёрдо, чувствуя тяжесть серебра в руках. Он думал о том, как много лет назад его отец продал свою коллекцию минералов, чтобы купить Прокофию первый микроскоп. Тогда Вассирион сказал: «Наука требует жертв, сын. Если ты не готов их приносить, лучше не начинай». Прокофий запомнил эти слова на всю жизнь. И сейчас он повторял их про себя, как молитву.

Ломбард находился на первом этаже старого дома, между аптекой и продуктовым магазином. Внутри пахло нафталином и бедностью. За стеклянной витриной сидел худой мужчина с жидкими усиками и рассматривал Прокофия с лёг-

ким презрением. Прокофий положил на прилавок шкатулку, открыл её и молча выложил серебро. Мужчина взял ложку, повертел её в руках, поднёс к свету.

— Старьё, — сказал он равнодушно. — Серебро низкой пробы, царапины, потёртости. Могу дать пять тысяч.

— Пять тысяч? — переспросил Прокофий, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Это антиквариат. Это семейная реликвия.

— Семейная реликвия стоит столько, сколько за неё дают, — пожал плечами оценщик. — Хотите — берите, не хотите — забирайте.

Прокофий сжал кулаки. Он мог бы ударить этого человека. Мог бы швырнуть ложки ему в лицо и уйти, хлопнув дверью. Но он понимал: это единственный ломбард в городе, где берут серебро без вопросов. И ему нужны были деньги. Любые деньги.

— Берите, — выдавил он сквозь зубы.

Мужчина высыпал ему мелочь, выписал квитанцию и спрятал серебро в сейф. Прокофий взял деньги, не считая, сунул в карман и вышел на улицу. Он стоял на морозе, глядя на своё отражение в витрине ломбарда, и не узнавал себя. Седые, растрёпанные волосы, бледное лицо, глубокие тени под глазами. В этом человеке не было ничего от прежнего Прокофия — уверенного, спокойного, знающего своё место в мире. Теперь он был нищим безумцем, продавшим фамильное серебро ради нескольких граммов неизвестного

элемента.

Но он не остановился.

На следующий день он продал мебель. Старый дубовый шкаф, который стоял в гостиной ещё с царских времён, ушёл за четыре тысячи. Книжный стеллаж с редкими изданиями по химии — за три тысячи. Прокофий смотрел, как грузчики выносят его вещи, и чувствовал себя предателем. Он предавал свою память, своё детство, своих родителей. Но он делал это ради науки. Ради Вассириония. Ради того, чтобы его открытие не умерло вместе с ним.

Он продал почти всё. Оставил только кровать, стол, кухонный гарнитур и старый телевизор. В пустой, гулкой квартире эхо разносило каждый шаг. Прокофий ходил из комнаты в комнату и чувствовал, как стены смотрят на него с укором. Он больше не хотел здесь оставаться. Он уходил в лабораторию — туда, где его ждал спектрометр, где его ждал Вассирионий, где его ждала работа, которая одна могла заглушить этот голос совести.

Но денег всё равно не хватало. Пять тысяч за серебро, семь тысяч за мебель, ещё три за старую коллекцию марок, которую он хранил с юности. Итого — пятнадцать тысяч. Для покупки нового оборудования этого было как слону дробинка. Прокофий сидел на пустом диване, пересчитывая купюры, и понимал: он на дне. У него больше ничего не осталось. Кроме Вассириония.

И тогда он решился на то, чего боялся больше всего. Он

решил продать свою коллекцию минералов, которую собирал сорок лет. Коллекцию, которую начал ещё его отец, которую он пополнял всю жизнь, для которой ездил в экспедиции на свои деньги, которую хранил как зеницу ока. Там были образцы из Кольского полуострова, из Сибири, с Камчатки, из Казахстана — уникальные породы, которых не было больше нигде в мире. Он знал, что их цена может быть огромной. Но он также знал, что продать их — значит похоронить отца во второй раз.

Он открыл шкаф в дальней комнате, где стояли застеклённые витрины с образцами. Взял самый дорогой — кусок редкой уральской руды, содержащей платину и палладий. Повертел его в руках. Потом положил обратно. Нет. Не продаст. Он не сможет.

Но в тот же вечер он получил счёт из коммунальной службы — за отопление, за воду, за электричество. Сумма была астрономической. Прокофий понял, что если не заплатит, квартиру конфискуют. Он, профессор, заслуженный учёный, станет бездомным. И тогда он снова подошёл к витрине, открыл её и начал аккуратно упаковывать образцы в газету. Сорок лет коллекции. Сорок лет любви. Всё это уйдёт с молотка ради Вассириония.

Он продал всю коллекцию через знакомого антиквара за сто двадцать тысяч. Это были огромные деньги — и одновременно ничтожные, потому что для науки их хватило бы только на полгода работы. Но Прокофий взял их и не огля-

нулся. Он не плакал. Он просто упаковал опустевшие витрины, выключил свет и вышел из квартиры, больше не возвращаясь.

Теперь он жил в лаборатории. Полностью. Двадцать четыре часа в сутки. Он спал на диване, который притащил из лаборантской, ел в столовой института, иногда — доширак из автомата в коридоре. Коллеги поглядывали на него с опаской. Лаборанты шептались за спиной. Тихон Ильич, директор института, вызвал его на разговор и осторожно поинтересовался, не нужна ли ему помощь психолога. Прокофий вежливо отказался.

— Я не сошёл с ума, Тихон, — сказал он спокойно. — Я просто одержим. Есть разница?

— Не уверен, что есть, — ответил Тихон Ильич и добавил: — Но ты главное — работу не бросай. У нас план на квартал, а тут такой аврал...

Прокофий не слушал. Он уже мысленно был там — в эксперименте, который задумал.

Суть его заключалась в том, чтобы доказать существование Вассириония не через спектрометрию, а через химическую реакцию. Он хотел выделить элемент в чистом виде — не миллиграммы, а хотя бы десятую долю грамма, которую можно было бы показать, взвесить, продемонстрировать. Для этого требовалась сложнейшая технология изотопного разделения, которая в его лаборатории отсутствовала. Он мог только пытаться синтезировать Вассирионий из дру-

гих элементов, используя старый ускоритель, который не запускали уже пять лет.

Ускоритель был чудом техники — точнее, чудом сохранившегося советского наследия. Его построили в семидесятых и с тех пор почти не модернизировали. Он занимал целый подвал, гудел, вибрировал и требовал колоссального количества электроэнергии. Но если Прокофию удастся его запустить, он сможет бомбардировать ядра калифорния ионами титана, и в теории — только в теории! — это должно было породить новый элемент. Вассирионий.

Он купил недостающие реактивы на те самые деньги, которые выручил от продажи коллекции. Сто двадцать тысяч ушли за три дня. Он заказал очищенный калифорний из закрытой лаборатории в Обнинске, оплатил доставку, купил новый генератор для ускорителя. Осталось — около пятисот рублей на хлеб и чай. Больше ничего. Ни на что. Прокофий стоял перед пустой кладовкой, смотрел на последнюю банку тушёнки и понимал: это его последний бой.

— Ну что, — сказал он сам себе, открывая банку и ставя её на электроплитку. — Или пан, или пропал.

Запуск ускорителя был запланирован на понедельник. Прокофий готовился к нему всю неделю, проверял каждый проводок, каждый болт, каждую прокладку. Он работал как сапёр, потому что ошибка могла стоить ему не только образца, но и жизни. Ускоритель, если его неправильно настроить, мог выдать смертельную дозу радиации за секунду. Проко-

фий знал об этом лучше, чем кто-либо. Он сам проектировал систему защиты — в те времена, когда был ещё молодым и полным сил.

В субботу к нему в лабораторию заглянул лаборант Саша Галкин, веснушчатый парень лет двадцати трёх, который подрабатывал здесь по вечерам. Саша был одним из немногих, кто смотрел на Прокофия без жалости — скорее, с восторгом.

— Прокофий Вассирионович, — сказал он робко, — я слышал, вы готовите запуск ускорителя. Это правда?

— Правда, — не оборачиваясь, ответил Прокофий. Он стоял на стремянке и проверял герметичность вакуумной камеры.

— И вы всерьёз думаете, что сможете синтезировать новый элемент?

— Я не думаю, Саша. Я знаю. — Прокофий спустился со стремянки, вытер руки о промасленную ветошь и посмотрел на парня. — Я видел его спектр. Я держал его образец в руках. Он существует, как существует этот стол, этот стул, эта стена.

Саша кивнул, но в глазах его было сомнение. Прокофий понимал это сомнение. Сам он тоже сомневался — каждую минуту, каждую секунду. Но он не позволял себе признаваться в этом вслух. Потому что, если он признает сомнение, он рассыплется, как карточный домик.

— Можно мне посмотреть? — спросил Саша. — На об-

разец?

Прокофий помедлил. Никто никогда не видел образец. Он хранил его как святыню, как реликвию, которую нельзя показывать непосвящённым. Но в Саше была какая-то чистота, какая-то искренняя вера, которая подкупала. Прокофий подошёл к сейфу, открыл его, достал свинцовую коробочку и положил на стол.

— Осторожно, — сказал он. — Он слабо радиоактивен. Не трогай руками.

Саша наклонился, заглянул в коробочку. Внутри, на вате, лежал крошечный, почти невидимый кусочек серовато-зелёного вещества. Он казался совершенно обычным — как кусочек засохшей плесени или ржавчины. Но Саша смотрел на него так, будто видел перед собой Священный Грааль.

— Какой он... маленький, — прошептал он.

— Самые большие открытия часто выглядят маленькими, — ответил Прокофий, закрывая коробочку и убирая её обратно в сейф. — Нобелевская премия не даётся за размеры. Она даётся за значение.

Он не знал, почему сказал это. Может быть, он пытался убедить не Сашу, а самого себя. Что он делает всё правильно. Что он не зря продал коллекцию, не зря остался без семьи, не зря превратил свою жизнь в один сплошной эксперимент. И в тот момент, когда он закрывал сейф, в его голове пронеслась мысль: «А что, если всё это зря? Что, если Вассирионий — просто ошибка прибора, шум, глюк? Что, если я продал

жизнь за призрак?»

Он отогнал эту мысль, как отгоняют муху. Он не мог позволить себе слабость. Не сейчас.

В воскресенье, за день до запуска, Прокофий решил проверить всё в последний раз. Он спустился в подвал, где стоял ускоритель, и начал осмотр. Магниты, вакуумные насосы, система охлаждения, детекторы — всё было на месте, всё было исправно. Он проверил каждый болт, каждую гайку. Он даже заменил несколько изношенных прокладок, которые могли дать течь. И когда он уже собирался уходить, его взгляд упал на старый осциллограф, стоящий в углу. Он был включён. И на его экране — Прокофий замер, не веря своим глазам — снова был тот самый пик. Пик Вассириония.

Но теперь он был ярче. Четче. Сильнее. Как будто элемент с каждой неделей становился всё реальнее, всё плотнее, всё настойчивее. Прокофий подошёл к осциллографу и коснулся пальцем стекла. Пик дрогнул, но не исчез.

— Ты меня слышишь? — шёпотом спросил он. — Ты там, да? Ты существуешь.

И в этот миг он почувствовал, как под его пальцами стекло стало тёплым. Совсем чуть-чуть, едва заметно, но — тёплым. Прокофий отдернул руку, как от огня. Он испугался. По-настоящему испугался. Потому что осциллограф не мог нагреваться. Он был холодным, как и всё в этом подвале. И этот холодный прибор вдруг стал тёплым — ровно в том месте, где Прокофий коснулся его.

— Это совпадение, — сказал он вслух, стараясь успокоить себя. — Просто нагрелась лампа. Старая лампа.

Но он не верил своим словам. Где-то в глубине души он знал: Вассирионий — это не просто элемент. Это нечто большее. Нечто живое. И теперь, когда Прокофий его открыл, он привязал себя к этому созданию навсегда.

Он вышел из подвала, поднялся на третий этаж, лёг на диван и не мог заснуть. Он смотрел в потолок, слушал, как гудит трансформатор, и думал о том, что завтра всё решится. Или он докажет существование Вассириония и станет величайшим учёным столетия. Или он погибнет от радиации в старом подвале, и никто никогда не узнает, что он был прав.

На рассвете, когда первые лучи солнца пробились сквозь грязные окна, Прокофий сел за стол и написал на листе бумаги слова, которые никто не должен был видеть:

«Если я умру, пусть Сашка заберёт коробочку. Пусть отвезёт её в Стокгольм. Пусть покажет её Нобелевскому комитету. И пусть они знают: я не лгал. Я открыл Вассирионий. Я сделал это один. Я сделал это для всех нас».

Он сложил письмо, запечатал его в конверт и отдал Саше Галкину с просьбой хранить до особого случая. Саша взял конверт, не задавая вопросов, и убрал его в свой карман.

— Удачи вам, Прокофий Вассирионович, — сказал он, и в голосе его прозвучало что-то похожее на прощание.

— Спасибо, Саша, — ответил Прокофий. — Иди уже. Иди, пока я не передумал.

Он остался один в подвале. Перед ним стоял ускоритель, готовый к запуску. Рядом лежали реактивы — калифорний, титан, редкие изотопы. В кармане у него было пятьсот рублей — всё, что осталось от его жизни. И в груди — нечеловеческая, сумасшедшая, всепоглощающая воля, которая не давала ему отступить.

Он надел защитный костюм, проверил счётчик Гейгера, включил систему охлаждения. Ускоритель загудел, завибрировал, засветился индикаторами. Прокофий перекрестился — впервые за много лет — и нажал на красную кнопку запуска.

Подвал наполнился гулом, от которого закладывало уши. Капельки пота выступили на лбу Прокофия и сразу испарялись под защитным шлемом. Он смотрел на приборы, не отрываясь, и видел, как показатели начинают расти. Энергия ускорителя достигла максимума. Ионы титана врезались в ядра калифорния. Реакция пошла.

Прокофий затаил дыхание. Он стоял, как каменное изваяние, и ждал — ждал того момента, когда детектор зафиксирует рождение нового атома. Время тянулось бесконечно долго. Секунды превращались в часы. Гул ускорителя казался грохотом водопада. И вдруг — тишина.

Детектор щёлкнул.

И потом — ещё раз.

И ещё.

На экране появился график. И на нём — знакомый, дол-

гожданный, родной пик. Пик Вассириония. Он был таким ярким, таким мощным, таким неопровержимым, что Прокофий закричал — закричал от радости, от боли, от облегчения. Он сорвал шлем, бросил его на пол и засмеялся. Он смеялся, как сумасшедший, глядя на экран, на этот пик, на своё доказательство.

— Я сделал это! — заорал он, и голос его эхом разнёсся по подвалу. — Я сделал это! Вассирионий существует! Существует!

Он упал на колени, закрыл лицо руками и заплакал. Плакал впервые за сорок лет. Слёзы смешались с потом, затекли за воротник, упали на бетонный пол. Он плакал, потому что знал: теперь всё будет по-другому. Он докажет миру своё открытие. Он получит Нобелевскую премию. Он вернёт жену. Он купит новую квартиру. Он купит новую коллекцию минералов. Он всё вернёт. Всё!

Но когда он поднял голову и посмотрел на приборы, радость его померкла. Ускоритель дымился. Система охлаждения перегрелась. Счётчик Гейгера показывал запредельные цифры. Прокофий понял, что реакция вышла из-под контроля. Он создал Вассирионий, но создал его в смертельно опасных количествах.

Он нажал аварийную кнопку отключения. Ускоритель заглух, затих, замер. Подвал погрузился в тишину, нарушаемую лишь шипением пара. Прокофий стоял посреди этого хаоса, глядя на испорченное оборудование, на дымящиеся

провода, на разбитые надежды.

Он синтезировал Вассирионий. Но он уничтожил всю лабораторию. И теперь ему нечем было даже зафиксировать результат, потому что детектор сгорел.

Прокофий медленно сполз по стене на пол, обхватил голову руками и затих. Радость ушла. Осталась только пустота.

— Ты выиграл, — прошептал он в пустоту. — Ты выиграл, Вассирионий. Но и я не проиграл. Я тебя видел. Я тебя создал. И никто не отнимет у меня этого.

Он сидел на холодном полу, в дыму и пепле своего триумфа, и знал: он победил. Даже если весь мир отвернётся от него, он победил. Потому что он сделал невозможное. Он открыл новый элемент. И никакая сила на свете не сможет стереть это из его памяти.

Но цена победы оказалась выше, чем он мог себе представить. Выше, чем серебро. Выше, чем мебель. Выше, чем коллекция. Потому что за этой победой стояла его жизнь. И он только начал её оплачивать.

Глава 4. Число 119

Прокофий Вассирионович просидел на бетонном полу подвала до самого вечера. Он не считал время — оно перестало существовать для него в тот миг, когда детектор зафиксировал рождение Вассириония. Весь мир сжался до размеров этой тесной, пропахшей озоном и горелым металлом комнаты. Где-то наверху, в институтских коридорах, шли обычные люди с обычными заботами. Они пили чай, обсуж-

дали планы, жаловались на жизнь. А здесь, внизу, лежала история. Его история. И он не знал, что с ней делать.

Он поднялся с пола, когда ноги окончательно затекли, и побрёл к выходу. Счётчик Гейгера всё ещё показывал повышенный фон, но Прокофий не обращал на это внимания. Он снял защитный костюм, бросил его в угол и вышел в коридор. Вечерний свет просачивался сквозь грязные окна, рисуя длинные тени на полу. Институт пустовал — большинство сотрудников уже разошлись по домам, и только дежурный вахтёр дремал внизу, у входа.

Прокофий поднялся на третий этаж, вошёл в свою лабораторию и закрыл дверь на задвижку. Он подошёл к столу, сел на стул и уставился на пустой лист бумаги. Он должен был записать всё, что произошло. Каждое число, каждую секунду, каждое показание прибора. Но руки его не слушались. Они дрожали, как у алкоголика в белой горячке. Он сжал их в кулаки, подышал на пальцы, попытался успокоиться. Не получалось.

Тогда он просто закрыл глаза и попытался восстановить в памяти всё, что видел на экране детектора до того, как он сгорел. Цифры, графики, значения энергии. Он помнил каждую мелочь. Его мозг, уставший, измождённый, но по-прежнему острый, работал как компьютер, сохраняя данные в оперативной памяти. Прокофий открыл глаза, взял ручку и начал писать. Он писал быстро, почти не глядя на бумагу, потому что боялся забыть. Он записал атомную массу — она

оказалась неожиданно стабильной для элемента с таким номером. Он записал период полураспада — он был гораздо больше, чем у соседей по таблице. Он записал спектральные линии, которые уже успел увидеть до аварии. И когда он закончил, на столе лежало пять страниц, исписанных мелким, нервным почерком.

Прокофий откинулся на спинку стула, выдохнул и впервые за долгое время позволил себе улыбнуться. У него были данные. У него было доказательство. Нет, не весомое — не образец, не граммы вещества, которые он мог бы показать миру. Но у него была математика, физика, логика. И если он сможет правильно это оформить, если он сможет убедить научное сообщество, что его расчёты верны, то ему не нужен будет даже образец. Чистая физика — она тоже доказательство.

Он решил написать новую статью. Не краткое письмо в редакцию — а полноценный научный труд, где каждый шаг, каждая формула, каждое число будут выверены до миллиграмма. Он сядет за эту работу и не встанет, пока не закончит. Он докажет миру, что Вассирионий существует. Даже если для этого ему придётся переписать все учебники по ядерной физике.

Он начал работать в ту же ночь. Он забыл про сон, про еду, про время. Он жил в каком-то странном состоянии транса, когда реальность перестаёт быть важной, а остаются только цифры. Он пересчитывал кварки, мезоны, бозоны. Он вы-

водил формулы, которые никто никогда не выводил. Он создавал новую физику — физику сто девятнадцатого элемента. И с каждым часом он понимал, что Вассирионий — это не просто атом. Это ключ. Ключ к новому состоянию материи. Ключ к гравитации. Ключ к тому, что древние называли «философским камнем».

Но он не успел закончить статью. На третьи сутки, когда Прокофий уже почти дописывал заключение, в дверь лаборатории постучали. Он не открыл. Он просто крикнул: «Занято!» Но стук повторился, а потом дверь начала открываться. Он забыл закрыть задвижку.

На пороге стоял Тихон Ильич, директор института. Он был бледен и взволнован. За его спиной маячили два незнакомца в штатском — высокие, худые, с непроницаемыми лицами.

— Прокофий Вассирионович, — сказал Тихон Ильич, и голос его дрожал. — Я вынужден прервать вашу работу. У нас проблема.

— Какая проблема? — буркнул Прокофий, не поднимая головы. — Я занят.

— Это касается ускорителя, — вмешался один из незнакомцев, делая шаг вперёд. — Мы из Росатома. У нас есть данные о том, что вы проводили несанкционированный эксперимент в подвале этого здания.

Прокофий наконец поднял голову. Он посмотрел на незнакомцев, потом на Тихона Ильича, потом снова на

незнакомцев. Внутри него похолодело.

— Какой эксперимент? — спросил он максимально спокойно.

— Мы знаем, что вы запускали ускоритель, — сказал второй незнакомец, тоже приближаясь. — У нас есть показания счётчиков. Радиационный фон в подвале превышен в сто раз. Это нарушение всех норм безопасности. Вы могли убить не только себя, но и весь город.

— Я знал, что делаю, — ответил Прокофий, сжимая зубы. — У меня есть защита. У меня есть расчёты. Я не нарушал ничего.

— Вы запускали ускоритель без разрешения, — отрезал первый незнакомец. — Вы использовали реактивы, которые не были списаны по учёту. Вы проводили эксперимент с трансурановыми элементами без лицензии. Это уголовное дело, Прокофий Вассирионович. Мы имеем полное право арестовать вас прямо сейчас.

Прокофий встал. Он был выше незнакомцев, и в этот момент, когда он выпрямился во весь рост, в нём проснулась та самая сила, которая двигала им все эти годы. Он смотрел на них сверху вниз, не отводя взгляда, и говорил медленно, чеканя каждое слово:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.